

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ***

В статье рассматриваются материалы всех известных погребений позднеирменской культуры. Проведен статистический анализ по 16 категориям признаков. Выявлены три основных типа захоронений: погребения на территории жилого пространства, курганные и грунтовые могильники. Дана их детальная характеристика. Отмечены черты, отличающие погребальную практику позднеирменской культуры от предшествующей ирменской.

Ключевые слова: позднеирменская культура, курганный могильник, грунтовые погребения, захоронения на территории жилого пространства, культовые ямы.

Проблемы переходного времени от бронзового века к железному в археологии Сибири в течение долгого периода вызывают оживленные дискуссии. Прежде всего, споры идут вокруг вопросов хронологии и культурной принадлежности памятников этой эпохи [Шамшин и др., 1996. С. 69]. Соответственно, актуальной проблемой эпохи бронзы – раннего железа в настоящее время является выделение погребений позднеирменского времени из массива собственно ирменских могильников. Впервые позднеирменские памятники, отличающиеся наличием характерной керамики с орнаментом в виде двойного ряда жемчужин по горловине, разделенных тремя-четырьмя вертикальными насечками, выделил в 1979 г. В. И. Молодин [1979. С. 111]. Затем, уже в 1993 г., соглашаясь с этой точкой зрения, А. В. Матвеев также говорил о позднеирменском этапе в развитии ирменской культуры и отнес именно к этому времени раскопанный ранее М. П. Грязновым курган могильника Ордынское-1г. [1993. С. 128–133]. Д. В. Папин также выделял группу позднеирменских могильников, отмечая, что ее отличают сакральная организация

могильного поля, возможное наличие курганной насыпи, системы ровиков, неглубокие ямы и сохранение ирменских черт в инвентаре [2004. С. 14].

Анализируя погребальную обрядность в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепного Алтайского Приобья, Д. В. Папин, выделял следующие ее черты: «умершего хоронили скорчено на правом, реже на левом боку, ориентируя головой на юг – юго-запад в неглубоких грунтовых ямах. Иногда прослеживаются следы деревянного перекрытия либо рамы, зачастую над могилой разводился костер, о чем свидетельствуют следы трупобожжения. Довольно высокий процент покойников не имел сопроводительного инвентаря, в других случаях чаще всего найдены керамические сосуды, бронзовые нашивные бляшки и ножи. В культурном плане выделяется группа позднеирменских могильников (МГК-1/5, Кротовский Елбан). Ее отличием является сакральная организация могильного поля, возможное наличие курганной насыпи, системы ровиков, неглубокие ямы и сохранение ирменских черт в инвентаре» [Там же. С. 16]. Автор указыва-

---

* Работа выполнена в рамках тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

ет, что в целом погребальный обряд демонстрирует устойчивые связи с эпохой поздней бронзы [Там же].

К сожалению, количество известных могильников позднеирменского времени остается небольшим. В Барабинской лесостепи это погребения с памятника Чича-1 и курганный могильник Кама-1 [Молодин, 1985. С. 171; Молодин и др., 2004. С. 261]; на территории Приобья – курганный могильник Ордынское-1г [Матвеев, 1993. С. 133], грунтовый могильник Кротовский Елбан [Степаненко, 2009. С. 138–141] и два захоронения на территории жилого пространства поселения Линево-1 [Мыльникова и др., 2004]. Д. В. Папин выделял позднеирменский комплекс на грунтовом Могильнике-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I [Кунгуров, Папин, 2001. С. 67]. Три захоронения позднеирменской культуры были обнаружены на поселении Мыльниково [Папин, Шамшин, 2005. С. 15].

Особый интерес представляет курганный могильник Заречное-1. На основании данных, полученных в результате составления суммарной характеристики погребального обряда ирменской культуры, анализа парных коэффициентов сходства и выделения отличительных черт, из всего массива захоронений данного памятника (насчитывается 57 единиц) удалось вычлнить 19 погребений позднеирменской культуры. Время начала функционирования могильника следует отнести ко времени проживания на данной территории племен ирменской культуры. Затем в переходный период от бронзового к железному веку пространство данного некрополя активно использовалось носителями позднеирменской культуры, о чем свидетельствует процентное соотношение ирменских и позднеирменских погребений – доля первых на памятнике составляет около 66 %, а последних примерно 34 %.

Всего автором проанализировано 73 погребения данного времени. В связи с малым объемом материалов выделение погребений позднеирменского времени остается весьма важной проблемой и, соответственно, актуальной научной задачей, частичное решение которой предполагается в настоящей работе.

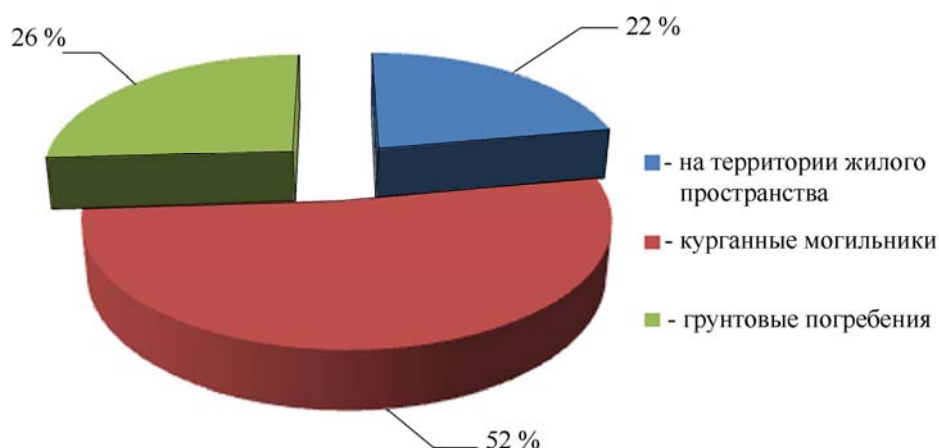
Для погребального обряда позднеирменской культуры характерны три типа захоронений: в курганных могильниках (Кама-1, Ордынское-1г, Заречное-1), в грунтовых (Кротовский Елбан, МГК-1/5), а также рас-

положение погребений на территории жилого пространства (городище Чича-1, поселения Линево-1 и Мыльниково).

Захоронений под насыпью кургана зафиксировано 38, что составляет 52 % от общего числа (см. рисунок). Для курганных могильников в равной степени характерны как округлые земляные насыпи (4 случая), так и овальные (4 случая). Наиболее типичным является расположение погребений под насыпью кургана в виде ряда или рядов, намечающихся среди бессистемных. Подобное расположение зафиксировано в 7 курганах из 9, что составляет около 78 %. Для погребального обряда позднеирменской культуры характерно полное отсутствие сооружений в насыпи кургана. Ритуально-жертвенные комплексы в виде различных комбинаций керамических сосудов, костей животных и кострищ (прокалов) были отмечены в 5 случаях, что составляет 62,5 % от общего числа. В остальных 37,5 % не было найдено следов ритуальных действий.

Деревянная рама без перекрытия была зафиксирована только в 4 могилах (10,5 %), в остальных 34 погребальные конструкции не обнаружены. Относительно стратиграфического расположения наблюдается следующая тенденция: 79 % погребений находилось на уровне погребенной почвы, около 16 % – на уровне материка и 5 % – в материковом слое. В большинстве случаев (28 могил – 73,7 %) могильная яма отсутствовала, 6 раз (15,8 %) была зафиксирована прямоугольная яма и 4 (10,5 %) – овальная. В курганных могильниках все умершие были похоронены по обряду ингумации, большинство погребений одиночные, обнаружено также три парных погребения и одно коллективное. Ритуально-жертвенные комплексы отсутствовали в 87 % погребений, в остальных случаях трижды были зафиксированы следы присутствия огня и столько же раз наличие костей животных.

Поза умерших достаточно интересна – так, 73 % погребенных лежали скорченно на правом боку, в трех случаях была зафиксирована поза на спине с подогнутыми ногами, еще в двух – скорченно на левом боку и однажды вытянуто на спине. Ориентация умерших представлена несколькими направлениями. Большая часть погребенных была ориентирована головой в юго-западный сектор – 63 %. В четырех случаях покойники лежали головой на северо-восток,

Процентное соотношение захоронений позднеирменской культуры (по типам)

в двух – строго на запад, в одном – четко на юг. В 7 погребениях ориентацию установить невозможно. В 22 случаях (58 %) установлен пол погребенных. Одиночные погребения: 12 мужчин, 4 женщины и 4 ребенка (подростка), а также парное и коллективное (3 особи) детские захоронения. Сопроводительный инвентарь обнаружен в 58 % погребений, он представлен только керамическими сосудами – 8 случаев; керамический сосуд с украшениями – 6; только украшения – 4; различные сочетания орудий труда с керамикой и украшениями – 3 и в одном погребении обнаружена комбинация украшений (бронзовая серьга и кольцо) и оружия (обломок бронзового наконечника).

На грунтовых могильниках (Кротовский Елбан, МГК-1/5) раскопано 19 погребений, что составляет 26 % от общего числа (см. рисунок). Погребальные конструкции отсутствуют во всех грунтовых могилах. Стратиграфически могилы расположены следующим образом: 3 – на уровне погребенной почвы, 7 – на уровне материка и 8 – в материковом слое. Могильная яма была зафиксирована в 14 случаях: 10 раз овальная, 4 – прямоугольная, еще в 4 случаях проследить могильную яму не удалось. Большинство погребений (89 %) совершены по обряду ингумации, одно – вторичное захоронение и еще одно – по обряду кремации. Все погребения, кроме двух, одиночные, на могильнике МГК-1/5 обнаружено два парных захоронения. В 12 могилах из 19 отсутствовали следы ритуально-жертвенных

комплексов, в 7 были зафиксированы следы присутствия огня, а в одной вместе с прокалом найдены пережженные кости животных.

В большинстве случаев была зафиксирована поза скорченно на правом боку, головой в юго-западный сектор, в парном захоронении женщина лежала скорченно на правом боку, а ребенок – скорченно на левом, лицом друг к другу. Пол определен в 10 случаях: три мужских одиночных погребения, три женских, три детских и одно – женщина с ребенком. Сопроводительный инвентарь отмечен в 16 погребениях: в 8 – только керамические сосуды, в 2 – украшения, в 4 – керамический сосуд и украшение, еще в 2 обнаружены орудия труда в сочетании с керамикой и украшениями.

Исследователи уже неоднократно уделяли внимание проблеме выявления причин существования такого явления, как погребения в жилищах. Данному вопросу в позднеирменской культуре посвящено достаточно много исследований [Молодин и др. 2003. С. 312–316; Молодин, 2006; Новикова, 2008]. Одной из последних работ по этой проблеме является коллективная статья, посвященная особенностям захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 по данным анализа структуры ДНК [Пилипенко и др., 2008]. Авторы выдвигают предположение о существовании у населения городища Чича-1 специфического обряда, в пользу чего свидетельствует отбор для погребения в жилищах только детей до года и осознан-

ный выбор именно мальчиков для захоронений на территории жилого пространства [Там же. С. 62].

По мнению О. И. Новиковой, «практика поселенческих погребений у носителей автохтонных археологических культур Западной Сибири не являлась регулярной и традиционной». Лишь небольшая часть умерших хоронилась на территории жилого пространства, в то время как большинство покойников погребались в специально отведенных местах. Причин у этого явления может быть несколько: особый социальный статус, принесение в жертву, нетипичные причины смерти, отсутствие возможности обычного захоронения и пр. [2005. С. 136].

Относительно переходного периода от бронзового века к железному О. И. Новикова указывала, что «при существовании специальных мест, предназначенных для постоянной культовой практики, определенная часть ритуалов совершалась вне святилищ. В первую очередь, это ритуалы, направленные на освоение нового жилого пространства (выбор места поселения, строительное жертвоприношение), его дальнейшее успешное функционирование (очищение и охрана жилища и людей) и, наконец, ритуалы оставления жилища или поселения... Одним из основных вариантов ритуальных комплексов, обнаруженных в жилищах эпохи бронзы – переходного времени на территории Западной Сибири, являются погребения людей на территории жилого пространства» [Новикова, 2008. С. 433].

Всего в позднеирменской культуре зафиксировано 16 погребений на территории жилого пространства, что составляет 22 % от общего числа (см. рисунок): 11 погребений выявлено на городище Чича-1, 2 – на поселении Линево-1 и 3 – на поселении Мыльниково. Во всех случаях отсутствовали погребальные конструкции, 9 погребений стратиграфически располагались в материковом слое и 7 – на уровне погребенной почвы. Могильная яма была зафиксирована 11 раз: 8 – овальная, 2 – прямоугольная и 1 раз – трапециевидная, в оставшихся 5 погребениях могильная яма отсутствовала, так как погребения располагались на уровне погребенной почвы. Все погребения одиночные, в 7 из них были зафиксированы ритуально-жертвенные комплексы в виде различных сочетаний костей животных, камней, фрагментов дерева и следов при-

сутствия огня. Особый интерес представляет поза погребенных: по четыре раза были зафиксированы положения скорченно на правом боку, скорченно на левом боку; по одному разу на спине с подогнутыми ногами и захоронения только одного черепа. В остальных шести случаях кости залежали без анатомического порядка. Ориентация погребенных также весьма разнообразна. В четырех случаях умершие лежали головой на юг, в одном – на юго-запад, в трех – на юго-восток, в одном – на северо-запад, еще в одном – на северо-восток. В остальных 7 погребениях ориентация не установлена. Сопроводительный инвентарь зафиксирован только в 7 погребениях из 16. Он представлен керамическими сосудами, бронзовыми украшениями, орудиями труда и оружием в виде наконечников стрел.

В целом, если говорить о погребальном обряде позднеирменской культуры, то можно выделить следующие его черты:

- три типа захоронений (курганные могильники, грунтовые погребения, на территории жилого пространства);
- отсутствие могильных сооружений, расположение могил на уровне погребенной почвы, но с отчетливой тенденцией к увеличению числа погребений на уровне материка и в материковом слое;
- отсутствие могильной ямы (но к отличиям можно отнести овальную форму ямы – была зафиксирована 22 раза, что составляет 30 %);
- доминирующим способом захоронения, как и в ирменской культуре, является ингумация; вторичные захоронения отмечены в двух случаях, кремация только в одном;
- большинство погребений одиночные, в пяти случаях были зафиксированы парные погребения и в одном – коллективное.

В подавляющем большинстве погребений (около 74 %) ритуально-жертвенные комплексы отсутствовали. Следы присутствия огня зафиксированы в 12 случаях, были обнаружены также сопровождающие погребения животные или их разрозненные кости. Надо отметить, что ямы с захоронениями черепов животных или частей туш *in situ* рядом с погребениями людей зафиксированы на трех позднеирменских памятниках (Чича-1, Кротовский Елбан, Заречное-1), поэтому, вероятно, наличие таких культовых ям следует считать чертой памятников

позднеримского этапа на территории Новосибирской области.

Наиболее встречаемой является поза скорченно на правом боку, головой в юго-западный сектор, что явно демонстрирует схожесть с погребальным обрядом ирменской культуры. Но все чаще фиксируется положение на спине с подогнутыми ногами, головой в северо-западный сектор, что, безусловно, является отличительной чертой погребального обряда позднеримской культуры.

Сопроводительный инвентарь, как и в предшествующую эпоху, в основном представлен керамическими сосудами, бронзовыми украшениями и орудиями труда. Продолжение традиций прослеживается в небольшом увеличении количества безинвентарных могил, таковые составляют около 38 %, в то время как в ирменской культуре их около 32 %. Данную тенденцию отмечают и другие исследователи [Папин, 2008. С. 147–148], говоря, что она характерна для всех культур переходного периода в целом.

Подводя итог, можно сказать, что погребальный обряд позднеримской культуры в значительной степени схож с погребальной практикой предшествующей ей ирменской культуры и демонстрирует преемственность многих ее черт. Однако, безусловно, появляются и новые признаки, которые существенно его отличают и характеризуют как весьма сложное многогранное явление, требующее дальнейшего изучения.

Список литературы

Кунгуров А. Л., Папин Д. В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 56–68.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Молодин В. И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979. С. 110–112.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В. И., Новикова О. И., Парцингер Г., Шнеевайсс Й., Гришин А. Е., Ефремова Н. С., Чемякина М. А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственно-го и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 312–316.

Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайсс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Чемякина М. А., Ефремова Н. С., Марченко Ж. В., Овчаренко А. П., Рыбина Е. В., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Бенекс Н., Маништейн А. К., Дядьков П. Г., Кулик Н. А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин, 2004. Т. 2. 336 с.

Молодин В. И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 115–121.

Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Кобелева Л. С. Археологическое изучение поселения Линево-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10. С. 390–393.

Новикова О. И., Пельтек Е. С. Погребения на поселениях: методические аспекты изучения // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 1. С. 133–140.

Новикова О. И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 433–434.

Папин Д. В. Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 25 с.

Папин Д. В., Шамишин А. Б. Барабинское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 202 с.

Папин Д. В. Погребальный обряд Бобровского грунтового могильника и некоторые вопросы хронологии переходного вре-

мени от бронзы к железу на Верхней Оби // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008. № 4–2 (60). С. 147–150.

Пилипенко А. С., Ромащенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 57–67.

Степаненко Д. В. Могильник Кротовский Елбан позднеирменского времени Новосибирского Приобья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 138–142.

Шагинин А. Б., Фролов Я. В., Медников Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 69–88.

Материал поступил в редколлегию 20.11.2011

D. V. Stepanenko

THE BURIAL RITE OF THE LATE IRMEN CULTURE: DISTINCTIVE FEATURES

In article is considering the materials of all known the Late Irmen culture burials. Statistical analysis of 16 categories of attributes is lead. Identified three main types of burial: burial in territory of inhabited space, burial ground and soil burials. Given them a detailed description. Marked with the distinctive features of the burial rite of the Late Irmen culture from previous Irmen culture.

Keywords: Late Irmen culture, burial ground, soil burials, burial in territory of inhabited space, cult pit.